

ИЛЬЯ ИЛЬФ однажды записал: «Смешную фразу надо лелеять, холить, ласково поглаживая по подлечаему». Это было сказано в шутку только наполовину. Читателям веселых книг Ильфа и Петрова могло показаться, что книги эти легко сочинялись. Но дело обстояло далеко не так просто: Ильф и Петров хорошо знали, какой ценой достаются победы над неподатливым словом, как бережно надо лелеять и холить смешную фразу. Изучая черновики и варианты рукописей, невольно испытываешь сожаление, что иные шутки существуют только в записях на клочках бумаги, что они так никогда и не увидели света. Ведь стружка, которую снимает краснодеревщик в процессе работы, — не простая древесная стружка. Это тоже красное дерево.

Однако то, что могло пригодиться фельетонисту средней руки, Ильф и Петров отбрасывали без сожаления. Как художники они почти никогда не знали душевного покоя и не тешили себя надеждой, что к написанной книге больше не придется возвращаться. Не случайно, в январский день 1928 года, когда они везли домой только что законченную рукопись «Двенадцати стульев» и можно было сказать, что наконец-то настал момент, о котором оба давно мечтали, у Ильфа и Петрова не было ощущения свободы и легкости. Напротив, оба они испытывали беспокойство и тревогу. Напечатают ли роман? Понравится ли он? «...Если бы кто-нибудь из уважаемых нами писателей сказал, что книга плоха, — вспоминал позднее Петров, — мы, вероятно, и не подумали бы отдавать ее в печать».

Работа над самими произведениями могла продвигаться быстрее или медленнее. Но почти всегда ей предшествовал долгий подготовительный период. Так, годы сотрудничества в железнодорожной газете «Гудок» и в московских сатирических журналах были для Ильфа и Петрова порой первоначального накопления материала к роману «Двенадцать стульев». «...Мы вложили в эту первую нашу книгу все, что знали», — говорил Евгений Петров. А три года, отделяющие «Двенадцать стульев» от следующего их романа, были периодом интенсивного накопления материала для «Золотого тельника».

НЕКОТОРЫЕ критики упрекали сатириков за то, что в своих веселых книгах они брали фигуры и события экзотические, нехарактерные и нетипичные. Однако они, как бы далеко ни удалялись в мир веселой фантазии, неизменно оставались на почве реальности. Многие факты имеют вполне реальные источники. Относительно некоторых из них со всей определенностью можно сказать, в каких газетах и журналах они были прочитаны сатириками. Да и многие портреты в их первом романе были портреты в буквальном смысле этого слова, то есть написаны с живых людей. Эллочка Щукина, Ляпис, слесарь-интеллигент Полесов, Авессалом Изнуренков имели своих прототипов.

Впрочем, ошибкой было бы думать, что сатирические образы Ильфа и Петрова только моментальная фотография и что, установив прототипы, мы уже отыщем ключ в творческую лабораторию писателей. Персонажи романов собирались долго, «складывались по кусочкам». Первоначально великий комбинатор задумывался как лицо эпизодическое; по мере продвижения романа Остап начал выламываться из приготовленных для него рамок. С. Я. Маршак рассказывал автору этих строк, что сам Петров как-то сравнивал Остапа с кукушонком, который, оказавшись крупнее всех прочих птенцов, теснил и выталкивал их из гнезда. Так случилось потому, что к эпизодическому образу стали прикладываться воспоминания о самых разных Остапах, всплывших на поверхность в бурные годы нэпа.

ВОСКРЕШАЯ Остапа для новых приключений, Ильф и Петров специально заготавливали для него целый запас «несгораемых идей». В черновиках романа «Великий комбинатор» сохранился листок бумаги, озаглавленный «Аттракционы». Сюда записывались впрок «идеи», которые кормили Остапа. Таких записей набралось несколько десятков. На других листках под рубриками «Подробности» и «Отыгрыши» попеременно с лаконичными, всегда очень меткими характеристиками персонажей будущего романа делались записи, пополнявшие 700 бендеровских способов «отъема или увода денег»: «Концессия по снятию выве-

сок», «Акционерное общество по эксплуатации горных вершин, цепей и хребтов «Крыша мира» — и тут же о рыжем Балаганове: «Шура — Золотой осел».

Также впрок записывались словечки и выражения из лексикона Остапа: «Я люблю политику кнута и пряника. В особенности последнего», «Не давите на мою психику», «И кому это он сказал: мне, турецкому подданному, потому янычаров?», «Полное спокойствие может дать только страховой полис», «Вы что, были на именинах у архиепископа?» Записи: «Человек произошел не от обезьяны, а от коровы» использована в «Золотом тельнике». Там она адресована Корейко: «Нет, — решительно сказал великий комбинатор, — вы произошли не от обезьяны, как все граждане, а от коровы. Вы соображаете очень туго, совсем как парнокопытное млекопитающее». И авторитетно добавляет: «Это я говорю вам как специалист по рогам и копытам».

Я привел только несколько примеров. Но при желании их можно умножить. Остап стал для Ильфа и Петрова живым человеком. Они безошибочно могли представить, как он поведет себя в любой ситуации, что скажет по тому или иному поводу. Это — в полном смысле слова — была «жизнь в образе».

В ЛАБОРАТОРИИ СМЕХА

ПРЕДЫСТО-
РИЮ

имел в творчестве Ильфа и Петрова и коллективный портрет геркулесовских бюрократов. В повести «Светлая личность», в сказках Новой Шахерезады, публиковавшихся в 1928 — 1929 годах на страницах журналов «Огонек» и «Чудак», в рассказах и фельетонах, написанных между двумя большими романами, не раз высмеивались всевозможные бесполезные, ничтожные бюрократические или просто мошеннические учреждения — прообраз будущего «Геркулеса», маленькие вредные «геркулесики». Одни скрывались под вывеской конторы по заготовке Котгей и Хвостов, другие — под вывеской «Дедкваса» и ведали учетом и распределением «дедушкина кваса». Третьи именовались вкусовым комбинатом «Щи да каша». Четвертые — трестом силовых аппаратов «Силостан». Пятые — представительством тяжелой цветочной промышленности «Гелиотроп» и т. д. Все или почти все эти тресты конторы и представительства отдали «Геркулесу» какие-то свои черты. Но в «Золотом тельнике» осмеяние бюрократических нравов и порядков поднято до большого сатирического обобщения. И соответственно многие ранее найденные детали сатирически заострены и усилены.

В повести «Светлая личность» бюрократическую контору Пиц-Ка-Ха украшали большие каминные, отделанные мрамором. В каминных хранились папки с бумагами и пухлые скоросшиватели. В «Золотом тельнике» эта смешная деталь своеобразно «отыгрывается». «Геркулесовцы», которые, как мы помним, гнездились в бывшей гостинице «Каир», хранят свои бумаги и служебную переписку в белых ваннах и полуденных альковах. Этой детали под стать все другие: финансово-счетный отдел устроился в бывшем гостиничном ресторане, на стенах которого намалеваны нимфы и дриады, ответственные и полудоверственные «геркулесовцы» располагаются в больших двухоконных номерах, «геркулесовцы» помещены — в рублевых, бюро справок размещено в подземном лифте. Неистребимый гостиничный дух настойчиво напоминает о себе на всех этажах «Геркулеса». Но тем очевидней нелепость, комизм этого учреждения, раскинувшегося среди дурацких золоченых диванчиков, ковров и ночных столиков с мраморными досками. И не только комизм. Поселяя «геркулесовцев» в гостиницу, писатели, возможно, хотели подчеркнуть, что «Геркулесу», как и всем вообще жильцам гостиниц, была дана лишь краткая, временная, «гостиничная» прописка.

Б. ГАЛАНОВ

ПРЕДВАРИ-
ТЕЛЬНЫЕ

заготовки Ильф и Петров имели привычку делать не только к большим, но и к малым вещам. Сохранились черновые заметки к нескольким их фельетонам, в том числе к двум, едва ли не самым известным, «Веселящаяся единица» и «Директивный бантик», в свое время опубликованным в «Правде». Прежде всего записывались факты:

«Спиральный спуск, который из предосторожности испорчен».

«В первый год больше аттракционов, чем сейчас».

«Иногда бывает шахматный турнир».

«Все было учтено, кроме отдыха» (к фельетону о головотяпах из парка культуры и отдыха).

«Пуговицы. Шершавые».

«Таким пальто отбиваться от хулиганов» («Директивный бантик»).

Тут же, по-видимому, родившиеся после поездки в парк, шутки, каламбуры, полемика с унылыми организациями «отдыхательного дела»:

«Превратим парк в кузницу. Не хватает только дыма».

«Превратим кузницу в парк. (Это у нас всегда бывает: «Превратим кузницу в здравницу, а здравницу в кузницу здоровья».)»

Больше всего они опасались, как бы из их фельетонов не сделали формальных выводов, не написали бы для очистки совести многообещающую резолюцию и успокоились. В черновиках к фельетону «Веселящаяся единица» сохранился полшутливый, а в общем довольно-таки грустный стишок: «Хоть каленым железом, хоть железной лопатой. После фельетона начнут новую жизнь и ограничатся плакатом...»

Не случайно рядом с записями фактов глупости, головотыпства следовали категорические выводы: «Все это делается для отчета», «Такие люди могут засухнуть все, что угодно», и совсем коротко: «Убрать дурней».

В сущности говоря, краткие эти записи составили как бы каркас будущего фельетона. Тут уже есть все для него необходимое: тема, завязка, сюжет, обстановка. А кроме того, почти каждая отдельная запись оказалась использованной в фельетоне и не просто использованной, а комически «обработанной». Например, фраза из черновых заметок к фельетону «Директивный бантик»: «Кепки из пледов, кепка из булыжников, но с трудом подается обработке» — только еще записаны мысли, только намеки на возможный комический ход. В окончательной редакции она читается так: «...Магазин готового платья... Больше всего головных уборов, кепок. Просто кепки и

В 1935 году к десятилетию Московского театра Сатиры в Москве был издан сборник «Кажется смешно». В сборнике была опубликована юмористическая автобиография Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Соавторы». Впоследствии, вспоминая о своей совместной работе с И. Ильфом, Е. Петров полностью воспроизвел эту автобиографию в статье об Ильфе, добавив, что в ней «было много правды». Мы воспроизводим страницу из сборника «Кажется смешно» с фотографиями Ильфа и Петрова.

соломенные кепки, полотняные кепки, каракулевые кепки, кепки на вате, кепки на красивой розовой подкладке. Делали бы кепки из булыжника, но такой труд был бы под силу одному только Микеланджело, великому скульптору итальянского Возрождения, — сейчас так не могут». Что возбуждает здесь смех, улыбку? Выставка кепок из самых нелепых, неподходящих материалов? Да, конечно. Но еще и лукавое пояснение, почему, собственно, не делают кепок из булыжников.

ТАКОГО рода описания смешат сами по себе. Они были подморожены в самой действительности 30-х годов и высмеивали совершенно конкретные явления. Но значение и смысл разбираемых фельетонов Ильфа и Петрова куда шире злободневных, сиюминутных задач. Эти фельетоны стоят в ряду многих выступлений сатириков, изничтожавших смехом унылых головотыпов, во все вносивших свои взгляды и вкусы. А непосредственно с этой темой перекликалась другая, особенно близко касавшаяся самих писателей и всерьез обсуждавшаяся тогда в литературной среде, — есть ли у нас вообще необходимость в сатире и юморе, в существовании таких авторов, как Ильф и Петров?

Пройдясь по парку культуры и отдыха, они записали в блокнот: «Бывшая» чертова комната (черта нет и бога нет). В такой лаконичной форме смысл записи не очень даже понятен! В фельетоне «Веселящаяся единица» она разрослась в целую новеллу: «Куда, кстати, девалась «чертова комната»? То есть не чертова (черта нет, администрация парка это учла сразу, — раз бога нет, то и черта нет), а «таинственная комната»?

Комната была не ахти какая, она не являлась пределом человеческой изобретательности. Но все же оттуда несся смех и бодрый визг посетителей. Она всем нравилась. А ее уничтожили».

Подробности закрытия веселой комнаты, вероятно, памяты читателям фельетона. Сперва этому «абсолютно бесхребетному, беспринципному аттракциону» решили дать «смысловую нагрузку». Потом отменили вульгарное название «таинственная комната» и назвали ее просто «комната № 1». Таинственная комната исчезла, а вместе с ней исчезли и процентов сорок того смеха, который слышался в парке.

Короткая фраза из дневника приобритая в фельетоне определенный обобщающий смысл, заставляя вспоминать не только скучных «идеологов отдыхающего дела», которые мучительно думали о том, «по какому способу дышать воздухом, по какому методу веселиться», но и гонителей «развлеченчества и увеселенчества» в литературе, упрямо бубнивших на всех литературных перекрестках, что юмор — это не ведущий жанр.

Архив Ильфа и Петрова пока еще мало исследован. А между тем, изучение этих скудных заметок к романам, рассказам, фельетонам, в которых нередко были заключены идеи и образы будущих произведений, чрезвычайно обогащает наше представление о творчестве прославленных советских сатириков, помогая лучше понять, «как делался смех».